

B.362

Всех нас

ВОИНА

ПОЮТ ПРОВОДА

В чистом поле, расставив ноги,
Там, где сходятся ленты троп,
Он стоять еще будет долго,
Загоревший на солнце столб.

Поднимали его на канатах
Под артельный слаженный хор,
Чтоб держал в руках киловатты,
С облаками вел разговор.

Столб на вахте. Дожди и ветры,
Жар полуденный плавит смолу.
Измеряют где-то вольтметры
Цену добрых его усуг.

РОДИНА

Росу отряхает осинник,
Ручей под оврагом звенит.
В седые просторы России
В светлое утро манит.

Зовет меня песнь жаворонка
И тонкий напев проводов —
Свернуть незаметно с просёлка
На путь великанский столбов.

И где-то на солнечном взгорье,
С растаявшим небом в глазах,
Над всем многоцветным простором
Любимое слово сказать.

ВЕСНОЙ

Смотрят в небо первые проталины,
Шумом лес приветствует весну.
Отскребая зимних выюг окалину,
Ветер драит каждую сосну.

А река гудит, ползет упорно,
Льдинами вгрызаясь в берега,
И штурмует на пути заторы,
Заливая низкие луга.

За одну неделю водополье
Пронесет раздробленные льды.
Россыпями пересохшей соли
От ручьев останутся следы.

Е. Богородский

Глубоко вонзается в воду
Сквозь листья пробившийся луч.
Песок на излучине брода,
Как сахарный, — чист и сыпуч.

Чуть слышно минуя коряги,
Водна приближает бросок.
И, крепкой янтарною брагой,
Вскипая, летит на песок...

В НОЗУ (ЭПОХОЙ)

(Заметки о стихах 1962 года)

Высший долг

«И песня, и стих — это бомба и знамя, и голос певца поднимает класс...». И эти слова гениального Маяковского подтверждены всей историей советской литературы. В нашей стране успешно выполняется ленинский завет о том, что литература и искусство должны быть неразрывной частью общенародного дела. На встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства Никита Сергеевич Хрущев добрыми словами оценил труд творческих работников, от лица партии приветствовал все лучшее, что создано за последние годы. Им была высказана партийная точка зрения на коренные вопросы художественного творчества. «Нашему народу нужно боевое революционное ис-

кусство, — сказал он. — Советская литература и искусство призваны воссоздать в ярких художественных образах великое и героическое время строительства коммунизма, правдиво отобразить утверждение и победу новых, коммунистических отношений в нашей жизни».

Справляется ли с этой задачей поэзия, самый оперативный вид искусства? Поэтический «урожай» 1962 года позволяет сделать вывод, что сегодняшняя поэзия — это поэзия больших мыслей, больших страстей, глубокой жизненной правды. Вместе с умудренными опытом поэтами старшего поколения Николаем Асеевым, Ольгой Берггольц, Александром Твардовским, Александром Прокофьевым талантливо работают выросшие в огне Отечественной войны Сергей Орлов, Егор Исаев, Василий Федоров, Сергей Наровчатов, Константин Ващенко.

кин, звучат молодые и крепкие голоса Владимира Кострова, Риммы Козаковой, Владимира Цыбина, Юнны Мориц и многих, многих других.

Поэты отдают себе отчет, что каждому стихотворением, каждой строкой, каждым словом они должны служить тем, кто стоит у станка, трудится в поле, в шахте, на стройке, должны сплачивать ряды строителей коммунизма. Это требование жизни. Большой и принципиальный разговор о путях развития советского искусства, состоявшийся в Кремле, очень точно отразил мнение всего нашего народа. А народ не принимает и не примет ни формалистического трюкачества, ни завуалированной серости, ни, тем более, политического недомыслия.

Где бы ни вышла новая поэтическая книжка — в Москве или в Иркутске, в Ленинграде или в Новосибирске, в Иванове или в Ташкенте — автор может быть только тогда счастлив, если его стихи по-настоящему служат великому делу нашей партии — борьбе за построение коммунизма. Быть гражданином — высший долг советского писателя.

1962 год для ивановцев был годом хороших поэтических знакомств. После долгого перерыва изданы произведения старшего рабочего поэта Авенира Евстигнеевича Ноздрина, издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу погибшего во время Отечественной войны талантливого поэта-ивановца Николая Майорова, появились книги Владимира Жукова и Анатолия Елизарова, много стихов напечатано в газетах и журналах. Примечательно, что на книжной полке поэтических новинок встретились поэты разного возраста, с разным творческим багажом, с разным жизненным опытом. И отсюда отметить, что их стихи не уводят читателя в словесные лабиринты или на задворки души человеческой. Нет. В произведениях поэтов-ивановцев слышны подлинно гражданские мотивы, они воспевают красоту и величие духа советских людей. Их стихи прозвучали своеобразной переключкой поколений, связанных между собой единством помыслов и дел.

Связные времени

Ивановец Станислав Шилор в стихотворении, опубликованном прошлый год в сборнике «Талка», назвал поэтов «связными времени». Это очень верное определение в полной мере относится к Авениру Евстигнеевичу Ноздрину. Его сборник стихов «Старый парус», вышедший в свет к столетию со дня рождения в Ивановском книжном издательстве, является для ивановцев значительным событием минувшего поэтического года.

Поэзия Ноздрина тесно связана с историей революционного движения в текстильном крае. Сам он был первым председателем Совета рабочих депутатов, который возник в ходе всеобщей забастовки рабочих Ивановского промышленного района в память 1905 году.

Стихи Ноздрина еще в 90-х годах прошлого века заметил Валерий Яковлевич Брюсов. В письме к П. П. Перцову от 20 марта 1896 года он писал о стихотворениях Авенира Ноздрина: «Очень оригинальная поэзия».

Но мало сказать только об оригинальности стихов Ноздрина. Его поэзия — это поэзия борющегося рабочего класса. Репрессированный, незаслуженно забытый в годы культа личности, не издававшийся с 1935 года, и поэтому мало известный молодежи, он вновь заговорил с нами теперь, поражая чуткостью своего таланта ко всему, что касалось жизни трудящихся:

Рев полных скорби голосов
Не может чутких не печалить,
И стон от волжских берегов
Уже не думает отчальить.
Ждать надо паводка, волны,

Грозы народного подъема:
Уж очень тяжек стон страны.
И слишком всех гнетет истома, —

писал поэт в 1898 году, за несколько лет до революции 1905 года, объятый предчувствием бури народного гнева.

Гражданственность его стихов естественна и органична. Да иначе и быть не могло. Он, по его словам, понял, что «жаалобы рабочих и крестьян пьют они из одного ковша». Поэт всегда был с трудящимся людом. Чтобы доказать это, достаточно привести названия стихотворений, объединенных в цикл «Пятый год». В них сказано всё, чем жил поэт: «Накануне мая», «Забастовка», «На другой день забастовки», «На митинге», «У кроваво-роковой грани», «Евлампий Дунав»...

Поэзия Ноздрина всегда активна. Он не просто летописец бурных революционных дней, но и настоящий трибун, призывающий к борьбе. Таким он остался до конца своих дней: участник революции, певец ее, восторженно принимающий все ее завоевания. Будучи глубоким старцем, в стихотворении «К итогам жизни» (1935 год) он написал следующие строки:

За сямьдесят мне три.
Года — пора итогов,
А у меня внутри
Кипение восторгов.
Я не хочу молчать,
Душою не гореть,
Когда есть что сказать
И есть о чем мне леть.

Молодость поэта не определяется его годами, как не определяется возрастом его поэтическая зрелость. Ноздрин до старости остался молодым, о чем говорит книга его стихов «Старый парус».

Сквозь годы

Другой поэт, безвременно ушедший, — Николай Майоров — был представителем иного поколения, чем Авенир Ноздрин. Николай Майоров учился в одной из ивановских школ. Сверстники его сейчас полны творческих сил, они — наши современники в полном смысле этого слова. Он погиб в бою на Смоленщине в 1942 году.

И вот спустя 20 лет после его гибели в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга, названная коротко и броско — «Мы». Тридцать девять стихотворений. Наброски. Варианты. Текст нескольких стихов приведен в воспоминаниях друзей. К сожалению, немного. Но и этого достаточно, чтобы сказать, что в Майорове жил большой, самобытный поэт, пока еще «нескладный и упрямый», но «удивительно прямой». Весь он — в своих стихах. Но не только он лично. В стихах Майорова отразились мысли и мечты его поколения — и в этом их сила и значительность.

Майорову было всего двадцать три года, когда оборвалась его жизнь. Но в стихах он старше, мудрее. Это, наверное, потому, что его сердце было широко открыто для людей, что он всегда жил «в упорной жажде высот». Раздумья о судьбах и месте искусства, тревога перед событиями, начавшимися на Западе, заставили его (и он имел на это право) говорить от имени поколения:

Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней вечною свища.

«Это время трудновато для пера», — поставил он эпиграфом слова Маяковского к своему программному стихотворению «Мы». Да, время, в которое писал Майоров, было трудное. И для того, чтобы стать «с веком

нарване», нужны были сильные, яркие стихи. Такие стихи выходили из-под пера юного поэта.

Страстность и высокая гражданская насыщенность творчества Майорова покоряют настолько, что как-то не задумываешься о форме его стихотворений. Это происходит потому, что в его поэзии есть глубокое чувство времени и тонкое понимание эпохи. Когда он говорит о себе и своих сверстниках, любимое его слово — «упрямый». Упрямство — это «железные следы века», мужество, право открыто и честно смотреть людям в глаза. Каждое стихотворение Майорова — будь это задорные стихи о ливне, задумчивое «Отелло», тревожное «Как воруют небо», будь это полные трагизма строчки «Смерти революционера» или звучащее металлом «Мы» — портрет его поколения, портрет тех, что «ушли, не долбив, не докурив последней папиросы».

Я не знаю, у какой заставы
Вдруг умолкну в завтрашнем бою,
Не коснувшись опоздавшей славы.
Для которой песни я пою, —

писал поэт в 1940 году. Эти строчки оказались пророческими. Слава, действительно, опоздала. Но Николай Майоров прошел к нам сквозь годы в весомых словах своих стихов, прошел, чтобы волновать, радовать, учить нас быть такими же прямыми и чистыми, каким был он сам.

Деятнадцатилетним юношей написал Николай Майоров стихотворение «Памятник» — о погибших летчиках, о людях, смертью остановленных на полпути, о бесстрашных дерзающих. Сам он был остановлен даже не на полпути, а в самом его начале. Но он жил и творил так, что хочется сказать его же словами: «О если б все с такою жадной жила!»

«Отмечен ты двадцатым веком, огнем годов сороковых»

До нас не дошло ни одного стихотворения Николая Майорова о войне. Может быть, ему не пришлось их написать. Но его сверстники прошли с боями сквозь военные испытания и сказали за него то, что не успел сказать он. Портрет поколения Николая Майорова продолжает рисовать Владимир Жуков, чей новый сборник «Иволга» вышел в Ивановском книжном издательстве спустя полгода после издания книги «Мы».

Николай Майоров писал о грозном предчувствии надвигающихся событий, пережить которые ему не довелось. Владимир Жуков был участником этих событий.

Я вернуться живым не загадывал,
Не с того ли и выпало мне
И по малой пройти — пусть залатанным —
И по самой великой войне? —

говорит он в стихотворении «Где-то в августе»...

Двадцать с лишним лет — немалый срок для того, чтобы осмыслить всё, что прошло тогда перед глазами. И дика стихов «На Карельском перешейке», и «Солдатская поэма», включенные В. Жуковым в сборник «Иволга», — не информация, не зарифмованный репортаж о тех днях, а слово участника этих событий и в то же время нашего современника о воспитании поколения, которое на своих плечах перенесло всю тяжесть войны, о людях, которые «не в обозе были и на смоленском, и на том снегу». Это — раздумья о судьбах человечества, это — тревога за будущее и одновременно уверенность в завтрашнем дне, продиктованная теми незабываемыми испытаниями, через которые прошел поэт.

Выступая на заседании Идеологической комиссии при ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев сказал о том, что перед литераторами жизнь остро ставит вопрос о ясности идейно-художественных позиций.

У Владимира Жукова эта ясность определена, говоря его же словами, тем, что сам «поэт отмечен двадцатым веком, огнем годов сороковых».

Гражданственность — паспорт поэта. Печати в поэтическом паспорте Владимира Жукова поставила война. Она ушла давно, но, и спустя двадцать лет, «ржавый тесак» смерти продолжает бить по бывшим солдатам, которые уходят «под тяжестью контузий и ранений, в солдатской славе ратных орден». Больше всего поэт боится, чтобы всё, что пережил он и его сверстники, «в душе не отзвучало», «быльем не поросло». Поэтому он пишет и о человеке, страдающем от боли в потерянной на войне ноге («Эхо»), об инвалидах, что спустя «пять тысяч четыреста дней тишины» участь автотелу, чтобы уметь управлять мотоколясками («Николаев»); о «надолбах в пять шахматных рядов», возле которых поэт Слава Кузнецов дает автору пояснения «по той войне»; о Николае Майорове и Иване Ганабине, ставших жертвами войны, которые «не дописали, не договорили, перед солдатской памятью в долгу».

Поэт обеспокоен, что и сегодня темные силы продолжают еще готовиться к войне, под водой зарываются люди, подводные лодки уходят в глубь, чтобы потом водная гладь вспенилась взлетающей ракетой. И он взволнованно обращается к человечеству:

Опомнитесь, люди. Откройте все двери.
Есть солнце, есть воздух. Вдохните — он рослый.
Покуда мы люди еще, а не звери,
Покамест не поздно...

Сегодня не поздно.

(«Подземные переходы»).

В своих новых стихах Владимир Жуков по-хорошему публицистичен. Публицистической взволнованностью наполнена и «Солдатская поэма», опубликованная в книге. Есть в ней такая эпизод. Герой поэмы, раненый на финской, оправляется от ран в тылу, когда все его сверстники сражаются с фашистами. Старая ткачиха, не зная про это, укоризненно обращается к нему: «Сынок... А люди-то воюют».

На спросы горестные эти
Ей сам народ врчил права.
Она за все и вся в ответе,
И за тебя. Она права, —

пишет В. Жуков, и его лирический герой всегда и всюду носит с собой слова старой ткачихи. Он хорошо помнит, что «люди воюют» — у ткачих в фабричном цехе, за рулем трактора в поле, за письменным столом писателя.

Особенности художественной системы Владимира Жукова, тональность его стихов вытекают из его склонности к вдумчивому исследованию действительности, из его немалого жизненного опыта фронтовика, в сердце которого война оставила глубокие зарубки, «железные следы века». Замедленные, спокойные интонации полны внутренней страстности, потому что поэт помнит: скороговорка не украшает стиха. Вот, к примеру, стихотворение «Мы столько потеряли в том походе...». Раздумчиво, неторопливо ведется рассказ. Нет в нем ни затейливой рифмовки, ни ритмической узорчатости — изысканность убила бы содержание. Здесь — мужественная, сдержанная сила, плотно скрепляющая каждую фразу и закономерно приводящая к заключительным строкам о преемственности поколений:

И серые солдатские шинели
укладывают в скатки сыновья.

Для В. Жукова характерно бережное отношение к слову, он боится, чтобы большие и правильные слова не превратились в ненужные и бесполезные побрякушки. У него нет строк, которые шли бы от поэмы, от жеста, нет ассоциаций-ребусов, над значением которых прихо-

дилось бы задумываться. Его образ земной, но не приземленный. Он продиктован естественным, непосредственным чувством человека, который не скрывает своих привязанностей и антипатий. Поэтому Владимир Жуков и может «выдать вдруг такое, что не находит места человек». Он может, например, написать, что солдаты «на плацдармах редко примечали, как втаивали в черные снега», что «пока вся жизнь еще в запасе, как хлеб, что выдаст старшина». Поэт поднимается до подлинной афористичности, когда, например, в «Солдатской поэме» пишет:

Земля и вкрявь и вкось изрыта —
Войне не скажешь, как пахать.

Успех стихов Владимира Жукова в том, что в сердце поэта есть такое, чем он может поделиться и делится с людьми, создавая свою землю, своего героя. Именно об этом он и говорит в стихотворении «Иволга», название которого вынесено на обложку нового сборника его стихов.

Сверять дела по пульсу времени

В 1962 году много и плодотворно работали Николай Грачев и Владимир Догадаев, принятые в члены Союза писателей РСФСР, Геннадий Серебряков, часто печатавшийся в периодической центральной и местной печати и подготовивший сборник стихов «Просека». В Иванове вышла книга стихов Анатолия Елизарова из Луха. Большой подборкой газета «Литература и жизнь» представила читателям Сергея Носикова. На страницах газет появились стихи Алексея Касаткина, Николая Часова, Владимира Смирнова, Сергея Юрова, Леонида Таганова и других поэтов.

Поговорим о тех, кто был представлен в печати более или менее широко, поскольку по одиночным стихам в разных изданиях трудно составить цельное впечатление о творческом лице поэта. Чем они могут ответить на вопрос старой ткачихи из поэмы Жукова? Сверяют ли они по «пульсу времени» свои поэтические дела?

Геннадий Серебряков познакомил читателей с лирической поэмой «Молодость века». Не во всем ровная, эта поэма, однако, свидетельствует о росте молодого поэта, пробующего свое перо уже в более серьезном и глубококом поэтическом жанре. Эпиграфом к ней он поставил строчки Элюара: «Я существую в бесчисленных образах времени, дней и годов»... «Во мне — целый мир! Это мало и много...», — восклицает поэт, уже в прологе оправдывая взятый эпиграф. Что это? Неосмотрительная бравада?

Нет. Лирический герой поэмы Г. Серебрякова активен. Его характер закален в многовековых испытаниях истории. «Смутьян», которому «саблю подает играющий бровями Разин»... «Паришка с алюминий бантом» среди озверелой банды врагов... Мальчуган, плачущий не от страха, а от человеческой доброты... Человек, чувствующий боль земли, по которой ползут танков грузные туши, переживший время, которое «шло по земле в грубой серой шинели»... Во всех этих «бесчисленных образах времени, дней и годов» существовал герой Г. Серебрякова. Это и дает право говорить, что мир, который он вообразил в себя, — это действительно много.

Но сегодня этот мир уже мал ему. На него «из Вселенной смотрит синяя Вега. Смотри синяя Вега и ждет человека». И он, этот человек, придет, потому что сердце его «открыто для просторов и шири», потому что наше время — это время беспокойных и ищущих.

У Геннадия Серебрякова уже складывается свой творческий почерк. Он любит яркие краски и щедро разбрасывает их, образный строй его стихов праздничный, радостный. Он видит мир солнечно-ярким.

Сильная сторона дарования Г. Серебрякова — сю-

жетность его стихов, явление не столь уже частое в поэзии. Возьмите лучшие его стихи: «Памяти дела», «Богомаз», «Струна», «Тюльпаны», некоторые главы из поэмы «Молодость века». Небольшие истории, взятые из впечатления детства, из книг, поэт проводит через свое сердце, вкладывая в них большое жизненное содержание, заставляя читателей делать глубокие выводы.

Запас жизненных впечатлений у Геннадия Серебрякова невелик, но в своих новых стихах он много раздумывает о жизни, его окружающей. Врагом своим поэт считает мешанство во всех его формах.

Страшны завистники под маской
Хороших лиц,
Страшны бесформенные массы —
Дели и слизь, —

пишет он в стихотворении «Гроза». Традиционный образ очищающей силы — грозы — приобретает здесь новую окраску.

Одно из лучших стихотворений Серебрякова, написанных в 1962 году, «Апельсин». В голодные военные годы «Борька» — завмага сын

Руку мне ножичком резал больно
В обмен на оранжевый апельсин.

От боли, от потери крови апельсин вдруг попал в оранжерейный шаром перед глазами мальчугана. И теперь, когда поэт вырос, он помнит об этом:

Я хожу по земле, а над головой моею —
Солище —
Мой непойманный апельсин.

«Непойманный апельсин» — отсутствие успокоенности, столь необходимое для каждого человека — характерная черта творчества Геннадия Серебрякова, поэта, несомненно, талантливого и ищущего.

Впрочем, не всегда поиски приводят к находкам. Иногда его стихи покидают страстное отношение ко всему, что творится вокруг, и рождаются вялые, анемичные строчки.

От забот и сомнений
Не уйти никуда.
Ты оставила мне их
Навсегда, навсегда, —

пишет поэт в стихотворении «Мне сегодня не спится...», и это так непохоже на мужественные и гордые строчки о любви в поэме «Молодость века».

Есть любовь у меня,
Да такая, что мира
Мне не хватит, пожалуй,
Чтобы смог я вместить ее всю, —

говорит он в поэме. А любовь в «комнатных» стихах какая-то жалкая и просящая. И мерка, какой он сам ее меряет, не менее убога:

Мне любви своей жажду
И вином не залить.

К счастью, не эти стихи определяют характерные особенности творческого лица Г. Серебрякова. В лучших своих произведениях он глубже, интереснее.

Если поэт сторонится острых проблем современности, если он углубляется в маленький мирок сугубо нитимных переживаний, если он шагает по давно проторенной тропинке привычных тем и образов — его непременно подстержет неудача. В этой связи нелишне сказать о некоторых стихах из сборника Анатолия Елизарова «Есть любимые деревни», вышедшего в Ивановском книжном издательстве.

Анатолий Елизаров — поэт самобытный. Он тонко чувствует природу, любит ее и тепло говорит о ней. В его стихах много неподдельной искренности («Я из

Лука», «Лухской строчее», «За грибами») и мягкого, тонкого юмора («Бокари»). Большой раздел сборника назван «Про любовь» — и здесь тоже немало авторских удач, источник которых в том, что поэт видит «тихое», внешнее, раннее — такое, какое «видеть каждому не дано».

Однако, несмотря на все удачи, от книги Елизарова остается чувство какой-то неудовлетворенности. Поэту в некоторых стихах недостает глубины и страстности, гражданской активности. Конечно, никто не может отказывать поэту в праве изображать тонкие движения человеческой души, однако требовать от поэта, чтоб он шел в ногу со временем, нужно, ибо связь нравственности и политики — самая непосредственная.

Для поэта необходимо острое чувство времени. Стихи не обязательно должны содержать в себе внешние атрибуты эпохи. Нужна широта поэтического видения, острый глаз художника, чтобы из поэтических строчек вставал ясный портрет современника.

Твердо держит свою руку «на пульсе времени» Сергей Носиков, поэтический опыт которого еще очень небогат, но который много и упорно работает. Подборка стихов в газетах «Литература и жизнь» и «Труд», стихи в областных газетах позволяют судить о характерных сторонах его творчества.

Герой стихов Сергея Носикова, так же, как и герой Г. Серебрякова, молод. Он — современный поэт, человек, «всегда вперед идущий человек, ракеты создающий, в пиджаке по городу шагающий. Говорят, на вас похож, товарищи!».

Сергей Носиков в лучших своих стихах привлекает рабочей уверенностью, твердостью и настоящим хозяйским отношением к жизни. Мазки поэтической кисти у Носикова точны и смелы. Вот стихотворение «Строитель». Его герой построил столько этажей, что может взойти на их высоту

Зажав мозоли в горсть.
И на вечернюю звезду
Повесить кепку, как на гвоздь.

Ему любви городские индустриальные пейзажи с огнями башенных кранов («Звездопад»), ГАЗы и МАЗы

на утренних улицах («С добрым утром»), рабочий люд, спешащий после смены в школы и институты («После смены»). Даже не очень-то свежий образ рябины, рдеющей в морозный день среди берез, поэт обновляет неожиданным, но таким характерным для него поворотом:

Вот так и мы
В работе дружной
На новостройке поутру
Не отступаем перед стужей,
А лишь краснеем на ветру.

(«Рябина»).

Есть у Сергея Носикова стихи о дорогах, о беспойковстве, юности, о местах,

Где можно все начать сначала,
Где неизвестные пути,
Где незнакомые причалы.

«Незнакомых причалов» для самого поэта, стоящего в начале творческого пути, еще очень много, поэтому у него не всё получается так, как нужно. Поэт Евгений Винокуров сказал однажды: «Штамп — это бакен, обозначающий, что чувство и мысль в данном месте обмелели». Это очень верное замечание применимо к некоторым стихам Сергея Носикова. В стихотворении «След» он берет традиционную тему следа в жизни, которую оставляет человек, но ничего нового, своего, в решение ее не вносит. «Проходными» стали стихи «В полях» и «Скажите», где поэт тоже перепевает давно знакомые темы о «ситцепечатных валах» и о заоканской «свободе». Все это, конечно, издержки поэтического роста, от которых Сергею Носикову надо как можно скорее освободиться.

1962 год в Иванове был щедр на поэзию. И это дает основание говорить, что будущее принесет еще больше успехов, еще больше находок, еще больше радости. Надо только, чтобы поэты, по словам В. Жукова, «в свою входили должность», «в обычных вещах открывая для любимых людей чудеса».

II. Курцияновский

ФУРМАНОВ И ЕСЕНИН

Дмитрий Фурманов находился в самой гуще литературной жизни 20-х годов. После приезда с фронтов гражданской войны в Москву он поставил перед собой задачу — «ближе подойти к художественному миру, почитать, пописать, понять все, во всем разобраться». Он посещает театры, диспуты, Дом печати, где в то время собирались писатели и поэты, кафе имажинистов «Стойло Пегаса», Всероссийский союз писателей, занятия литературной секции «Звено», выступление Маяковского в Политехническом музее и т. д. Шумная и пестрая литературно-художественная жизнь столицы не огулила и не ослепела Фурманова. Он быстро и чутко разобрался в ней. Он сумел отделить броские программы и лозунги

поэтических школ от их настоящей сути, крикливые претензии на новаторство — от проявлений подлинного дарования.

Так было и с Сергеем Есениным. Впервые он его увидел 3 июля 1921 года в имажинистском кафе «Стойло Пегаса». Фурманов чрезвычайно резко отозвался об имажинистах — поэтах формалистического толка, пропитанных буржуазно-богемным духом. «Стойло Пегаса», — писал он, — является, в сущности, стойлом буржуазных сынков — и не больше... В «Стойле Пегаса» — сброд и бездарности, старающиеся перекричать всех и с помощью нахальства дать знать о себе возможно широко и далеко...». Однако Есенина Фурманов сразу же выделил из

